

Женщина напротив, мама мальчика, опасаясь, что они задерживают читку, тихонько сказала:

— Цзяхао, возвращайся на место.

Сяо Мэн вернулся и, вскарабкавшись на стул, уселся, озорно улыбнувшись Цао Е. Тот улыбнулся ему в ответ. Они явно нашли общий язык и за это короткое время, похоже, стали приятелями. Прежде чем отвести взгляд, Цао Е ещё раз посмотрел на Лян Сычжэ. Тот уже опустил голову и перелистывал сценарий, но едва заметная улыбка, казалось, ещё не сошла с его лица.

Этот маленький эпизод закончился, читка сценария продолжилась. Сяо Мэн как раз читал отрывок о том, как его бросила мать. Как только раздался его детский голос, несколько странная, напряжённая атмосфера начала рассеиваться.

Цао Е отрешённо слушал, как они обсуждают сценарий. Ему казалось, что все присутствующие заметили что-то необычное между ним и Лян Сычжэ, но делали вид, что ничего не происходит. «Вот это и называется нечистой совестью», — подумал он. Раздался голос Лян Сычжэ. Это был небрежный, ленивый голос бездельника:

— Откуда у меня деньги, чтобы отдать их тебе... Не напоминай мне о вчерашнем. Чёрт, ты разве не видел, меня чуть не убили? Все деньги ушли на лечение. Брат, оставь мне хоть что-нибудь на еду.

Он быстро вошёл в роль. На его лице не было видно никаких особых актёрских приёмов, но один только его голос заставлял поверить в происходящее. Этот Лян Сычжэ разительно отличался от того, который только что говорил: «Сычжэ-гэгэ тоже согласен».

«Этот человек мой», — вдруг подумал Цао Е. Все могли видеть на экране безумного Шрама, подавленного сяо Маня, кокетливого Ли Няня, молчаливого Лу Хэчуаня... Но только он мог видеть другую сторону Лян Сычжэ, которую тот никогда не показывал перед камерой. Он не был собственником, но эта мысль приносила ему какое-то скрытое удовлетворение. Он продолжал витать в облаках, пока не услышал скрежет ножек стульев по полу. Кто-то рядом встал, потягиваясь, послышались обрывки разговоров. Цао Е очнулся и понял, что читка сценария закончилась. Ду Чжуй, убирая сценарий, с улыбкой сказал Цао Е:

— Тебе было скучно, наверное? Вижу, ты всё время был в своих мыслях.

— Я этот сценарий читал уже раз пять или шесть, — Цао Е встал и тоже улыбнулся. — Я знаю его почти наизусть.

Он нарочно замедлил шаг на пути к двери, ожидая, пока Лян Сычжэ подойдёт с другой стороны.

— Кстати, я и не знал, что вы с Сычжэ так хорошо знакомы, — выйдя из конференц-зала, Ду Чжуй и несколько человек из съёмочной группы подошли к ним. — Вы, наверное, много лет знаете друг друга?

— СМИ же писали, — вмешался второй режиссёр, — что во время съёмок «Тринадцати дней» вы были конкурентами.

— И там была борьба не на жизнь, а насмерть — добавил оператор. — Это правда?

За столько лет в СМИ был всего один репортаж о Лян Сычжэ и Цао Е, но даже этого было достаточно, чтобы породить множество домыслов и подробностей.

— Догадайтесь, — Лян Сычжэ с улыбкой посмотрел на оператора.

— Ты снова держишь нас в напряжении, — оператор, хорошо знавший Лян Сычжэ, похлопал его по плечу.

Чем ближе они подходили к номеру, тем сильнее росло беспокойство Цао Е. Сначала вся группа заметила, что на них одинаковая одежда, а теперь ещё и станет ясно, что они живут в одном номере. Казалось, им осталось только официально объявить всем, что они вчера начали встречаться. В этот момент Лян Сычжэ повернулся к нему:

— Ты же хотел поговорить со мной о чём-то? Пойдём ко мне в номер?

— Давай, — ответил, глядя на него, Цао Е.

После этих слов их совместный поход в один номер выглядел гораздо естественнее. Они остановились у двери, и тут сзади раздался звонкий детский голос:

— Сычжэ-гэгэ! — затем послышался топот маленьких ножек. Сяо Мэн подбежал к ним и протянул ладошку. — Спасибо, что помог мне разобраться со сценой. Угощайся конфеткой.

— Хорошо, — Лян Сычжэ наклонился, взял несколько конфет с его ладони и улыбнулся. — Спасибо и тебе.

— И этому гэгэ тоже, — Сяо Мэн протянул ладошку Цао Е. — А ты какой гэгэ?

— Сяо Е-гэгэ, — ответил за Цао Е Лян Сычжэ.

— Сяо Е-гэгэ, — повторил сяо Мэн.

Когда Цао Е тоже взял несколько конфет, сяо Мэн посмотрел на дверь номера:

— Вы живёте вместе?

Он говорил громко, с явной завистью в голосе, как будто сам хотел жить с другими детьми. В нескольких шагах от них всё ещё стояла съёмочная группа, и все прекрасно слышали этот разговор. Цао Е не знал что ответить. Детская непосредственность — профессиональный разрушитель репутации. У этого ребёнка большое будущее. Сяо Мэн, ни о чём не подозревая и не давая им времени объясниться, подбежал к Ду Чжюю:

— Дядя режиссёр, угощайтесь конфеткой!

Ду Чжуй, ущипнув сяо Мэна за щёку, пошутил:

— Для тебя я уже дядя, значит... — а потом, обернувшись, напомнил им. — Не забудьте, вечером выпиваем вместе.

Съёмочная группа удалилась. Цао Е посмотрел на Лян Сычжэ, Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. После нескольких секунд молчания Лян Сычжэ рассмеялся и тихонько сказал:

— Застыл? Карточка от номера у тебя, забыл?

— А, точно, — Цао Е вспомнил и, достав карточку, открыл дверь.

Войдя в гостиную, Цао Е немного нервно спросил:

— Как думаешь, они догадались?

— Они все умные люди, — Лян Сычжэ положил сценарий на стол перед диваном. — Даже если не догадались, то наверняка что-то заподозрили. Зря ты выбрал мою одежду...

— Откуда я знал, что у ребёнка такая хорошая память.

Лян Сычжэ посмотрел на футболку Цао Е:

— Я в этой футболке снимался позавчера. Сяо Мэн всё время играл с молнией на рукаве. Ты умеешь выбирать, ты взял именно её.

Цао Е сел на диван. Ему было немного неловко, но в то же время и смешно:

— Я вообще ничего не выбирал, взял первую попавшуюся.

— О, тогда это моя вина, — Лян Сычжэ с улыбкой взял вино на себя. — После химчистки я её просто положил сверху, — сказав это, он пошёл в ванную.

Когда он вышел, Цао Е сидел на диване и дёргал молнию на рукаве. Дождь немного стих, но небо всё ещё было пасмурным, и в гостиной без света было довольно темно.

Лян Сычжэ подошёл к кулеру, чтобы налить воды:

— Похоже, все дети любят играть с молниями.

Цао Е перестал дёргать молнию:

— Я всего на два года младше тебя.

— Два года и три месяца, — ответил Лян Сычжэ. Он налил стакан воды и протянул Цао Е, а сам взял другой и сделал большой глоток. Когда он пил, его кадык двигался вверх-вниз. Цао Е смотрел на него и тоже сглотнул, вдруг почувствовал жажду. Он сделал глоток воды и невольно вспомнил Лян Сычжэ десять лет назад — был ли у него тогда такой же заметный кадык? Он не мог вспомнить.

Профиль Лян Сычжэ в тусклом свете выглядел очень красиво. Цао Е смотрел на него, думая о том, каким странным и непривычным было это чувство — любить кого-то. Он не мог отвести взгляд, и его переполняла радость от мысли, что этот человек теперь принадлежит ему.

Лян Сычжэ допил воду, поставил стакан на стол и сел рядом с Цао Е. Казалось, он немного устал. Он откинул голову на спинку дивана и посмотрел на дождь за окном:

— Хочешь прогуляться после обеда?

— Давай, — ответил Цао Е и, повторив его жест, откинулся на спинку дивана.

Лян Сычжэ повернулся к Цао Е, положил руку на спинку дивана и начал накручивать на палец его волосы. Цао Е опустил глаза на губы Лян Сычжэ. Они блестели от воды, и, хотя он только что сам пил, он снова почувствовал жажду. Он наклонился и слизал капельку воды с нижней губы Лян Сычжэ. Затем отстранился и посмотрел на его губу. Влажное пятно стало больше, и ему захотелось пить ещё больше. Он снова наклонился и облизал губу, а затем, как Лян Сычжэ делал с ним прошлой ночью, нежно поцеловал его. Возможно, потому что они оба только что пили воду, этот поцелуй был более влажным, чем предыдущие. Их губы соприкасались и размыкались с лёгким звуком.

— Лян Сычжэ, — прошептал Цао Е, прижавшись к его губам.

— Ммм, — ответил Лян Сычжэ.

Но казалось, Цао Е просто хотел произнести его имя, не имея в виду ничего конкретного, и снова начал целовать его нижнюю губу. Лян Сычжэ вывел для себя одно правило: когда они целовались, Цао Е был похож на послушного щенка, и он мог беззаботно играть с его волосами.

Пообедав в отеле, они вышли из номера на прогулку. На улице было прохладно, и Цао Е накинул поверх футболки джинсовую куртку Лян Сычжэ. Выходя, он посмотрел на себя в зеркало и подумал, что этот стиль очень похож на стиль Лян Сычжэ. Если бы Чэн Дуань был здесь, он бы точно что-нибудь съязвил по этому поводу. Спускаясь на лифте, Цао Е обнял Лян Сычжэ за плечи и, взглянув на камеру видеонаблюдения, спросил:

— А если нас снимут?

— Снимут, — с улыбкой ответил Лян Сычжэ. — И что тогда?

— Да ничего страшного... — Цао Е быстро придумал оправдание. — Друзья же могут обниматься, это нормально.

Ему просто хотелось обнять Лян Сычжэ за плечи. Он чувствовал то же самое, что и в «Лазурной вечеринке» — ему хотелось быть рядом с Лян Сычжэ. Лян Сычжэ улыбнулся и ничего не сказал. Перед выходом из лифта Лян Сычжэ натянул капюшон и, слегка опустив голову, вместе с Цао Е вышел из вестибюля отеля.

В дождливую погоду на улице было мало людей. В вестибюле находилось всего несколько человек обслуживающего персонала, которые были заняты своими мыслями. Когда они наконец обратили внимание на происходящее, двое высоких мужчин уже выходили из дверей, и они успели заметить только их спины под зонтом. Оба мужчины были одеты в стиле Лян Сычжэ, а их головы и плечи были скрыты чёрным зонтом, поэтому со спины было невозможно определить, кто из них кто.

Буря, похоже, уже прошла, оставив после себя лишь небольшой след. Ветер стих, дождь значительно ослаб, но всё ещё моросил. В городе объявили выходной день, а отель находился в отдалённом пригороде, поэтому на улицах было мало машин и людей. Лишь изредка мимо них проезжали автомобили. Пройдя немного, Цао Е оглянулся:

— А вдруг за нами увязались папарацци?

— Папарацци тоже люди, — со смехом ответил Лян Сычжэ. — У них тоже выходные.

— У них тоже бывают выходные?

— В дождливую погоду папарацци редко выходят, поэтому я всегда жду дождя, чтобы можно было спокойно погулять.

— Хм, — Цао Е снова обнял Лян Сычжэ за плечи. — Значит, нас точно не снимут?

— Вряд ли, — ответил Лян Сычжэ.

Они шли по малолюдным улочкам, не имея определённой цели. Капли дождя стучали по зонту, и мир вокруг них казался очень тихим. Пройдя немного, Цао Е хотел взять зонт у Лян Сычжэ, но тот сказал:

— Если ты возьмёшь зонт, как ты меня будешь обнимать?

— А, — Цао Е понял, что он прав, и, не настаивая, продолжил идти, обнимая Лян Сычжэ за плечи.

Они непринуждённо болтали, прогуливаясь. Сначала говорили о съёмках, а затем разговор перешёл на Цао Е. Он не скрывал, что происходило с ним в последние годы, но и не вдавался в подробности. Он рассказал, что после смерти Ли Ю уехал за границу на стажировку в кинокомпанию. Ему повезло, и он попал к опытному продюсеру. Сначала он был ассистентом продюсера, а потом, когда продюсер начал ему доверять, ему стали поручать самостоятельные проекты. Он говорил об этом легко, но Лян Сычжэ, услышав, что за два года Цао Е запустил четыре-пять проектов, сразу понял, как отчаянно тот работал, чтобы так быстро вырасти.

— Потом я наткнулся на один голливудский фильм, который, как мне показалось, хорошо подошёл бы для китайского рынка. Я купил права на его прокат на деньги, которые оставила мне мама, попросил Чи Миньяо связаться с его братом, и мы вместе выпустили этот фильм в китайский прокат. После этого появился Luomeng... Что касается Чэн Дуаня, он учился со мной на одном курсе и имел большой опыт работы в кинокомпании. Мы работали вместе, и я понял, что он хочет вернуться в Китай, поэтому нашёл способ переманить его. Ничего особенного, мне просто повезло. Мне вообще везёт.

— Так ты и правда талисман Luomeng? — Лян Сычжэ с улыбкой посмотрел на него.

Юноша так спокойно рассказывал о своём прошлом, что уже не был похож на того маленького мальчика, который съёжился от страха в углу лифта на записи с камеры видеонаблюдения. Лян Сычжэ не знал, радоваться ли ему такому вынужденному взрослению Цао Е. Если бы не всё то, что случилось за эти пять лет, Цао Е, возможно, так и остался бы беспечным прожигателем жизни... И в этом не было бы ничего плохого. Только вот беспечный прожигатель жизни Цао Е вряд ли был бы с ним сейчас. Всё было так противоречиво.

— Цао Е, — Лян Сычжэ вздохнул, — тогда я не знал, что твоя мама больна, и не смог быть рядом...

Не дав ему договорить, Цао Е повернулся к нему:

— А если бы знал, Лян Сычжэ, ты бы ушёл со мной?

— Ушёл бы, — ответил Лян Сычжэ, а потом, немного подумав, добавил, — и, думаю, можно было бы найти лучший выход. Например, попросить Цао-лаоши отложить съёмки.

Тогда они были молоды и думали, что, сделав шаг вперёд, уже не будет пути назад, и им оставалось только идти по этому шаткому мосту в одиночку. Они не знали, что в мире есть много других путей, по которым можно было бы идти вместе, рука об руку.

Они молча прошли ещё немного и свернули в переулок. В переулке стояли обветшалые дома, проход был узким, дождевая вода стекала по земле и бурлящим потоком уходила в канализацию. Напротив домов располагались маленькие магазинчики с тусклым освещением. Владельцы сидели на стульях у входа, глядя на дождь и скучая в ожидании покупателей.

— Это место похоже на Иньсы десять лет назад? — Цао Е остановился и посмотрел на улицу.

— Похоже, — ответил Лян Сычжэ, а затем поднял взгляд на серые здания. — Это место даже больше похоже на место съёмки «Тринадцати дней», чем Иньсы.

— Вот было бы здорово, если бы тогда нас отправили сюда, — Цао Е обнял Лян Сычжэ за плечи. — Зайдём?

Они вошли в подъезд. Дверь была низкой, и им обоим пришлось наклониться, чтобы пройти. Лян Сычжэ сложил зонт, и они вместе вошли внутрь. Датчик движения на первом этаже, похоже, не работал, и в подъезде было темно. Видно было только благодаря слабому свету, проникающему с улицы.

— Здесь есть подвал. Пэн Янь спускалась по лестнице, а сяо Мань прятался здесь и наблюдал за ней, — Цао Е, вспоминая сценарий, отпустил плечо Лян Сычжэ и взял его за руку. — Видишь, похоже? Вот здесь. — С этими словами он зашёл под лестницу и, остановившись, повернулся к Лян Сычжэ.

В тесном, тёмном пространстве глаза Цао Е казались особенно яркими, словно две блестящие стеклянные бусины. Лян Сычжэ сделал шаг вперёд, приблизившись к нему, и посмотрел ему в глаза сквозь тусклый свет. Они смотрели друг на друга, и невозможно было сказать, кто первый начал приближаться. Их губы соприкоснулись, и они снова поцеловались.

Сначала, как и во всех предыдущих поцелуях этого дня, они нежно касались губ друг друга. Но Лян Сычжэ показалось этого мало. Он обнял Цао Е за голову и кончиком языка проник между его зубов. Он не прилагал особых усилий, словно всё ещё проверяя, но Цао Е ему быстро ответил, и их языки сплелись.

Наверху хлопнула дверь, а затем послышались шаги. Сначала они были далеки, но быстро приближались. Звук каблуков, стучащих по обветшалой лестнице, казалось, раздавался прямо над их головами. Этот поцелуй был похож на тайное приключение. Никто из них не остановился, несмотря на приближающиеся шаги. Входная дверь со скрипом отворилась, и шаги вошедшего растворились в шуме дождя. Потрясенный воздух постепенно затих, и тогда до них донёлся тихий, интимный звук их поцелуя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130309>